

СМЕРШ

спецназ Сталина

РАЗОРВАННЫЙ БЕРЕГ

Сергей Зверев

СМЕРШ – спецназ Сталина

Сергей Зверев

Разорванный берег

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Разорванный берег / С. И. Зверев — «Эксмо», 2023 — (СМЕРШ
– спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-191796-8

Самые интересные романы о сталинском спецназе – СМЕРШе. 1945 год. При отступлении фашисты планируют взорвать латвийский порт Вентспилс с помощью мощного заряда, заложенного еще в начале войны советскими саперами. Но где он установлен, немцам неизвестно. Чтобы это выяснить, гитлеровцы похищают нашего генерала, руководившего в свое время минированием порта. Под пытками тот выдает координаты. Теперь взрыв порта – дело ближайшего времени. Сорвать замысел противника поручено группе майора СМЕРШа Александра Бородина. Но как это сделать, не имея достаточно времени и не зная точных данных о месте акции? В последний момент, сам того не ожидая, майор получает помощь... с немецкой стороны. «Смерть шпионам!» (СМЕРШ) – это короткое и беспощадное название носило особое подразделение НКВД, подчинявшееся И. Сталину. Созданное в годы войны, оно состояло из проверенных в бою, честных и бесстрашных офицеров Красной Армии. СМЕРШа боялись все – и фашистские лазутчики, готовящие диверсии в наших боевых порядках, и гитлеровские приспешники, действующие в глубоком советском тылу. Враг знал: если на его след напали бойцы сталинского спецназа, справедливого и скорого суда не избежать. Романы серии «СМЕРШ – спецназ Сталина» – это каждый раз увлекательный динамичный сюжет и новые исторические знания, это экшен, написанный простым и понятным языком.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-191796-8

© Зверев С. И., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

31

Сергей Иванович Зверев

Разорванный берег

© Зверев С.И., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФРОНТ, АПРЕЛЬ 1945 ГОДА

Старший оперуполномоченный ОК УКР «Смерш» 2-го Прибалтийского фронта майор Бородин, что называется, встал не с той ноги. Настроение с утра было ни к черту. Хотя встал – громко сказано, поскольку ему удалось подремать на заднем диване «эмки», завернувшись с головой в шинель, всего лишь пару часов. Вчера ночью, едва они, смертельно уставшие после ликвидации остаточной группы немцев, завезли в госпиталь раненного в плечо лейтенанта Ерохина и, наконец, добрались до продпункта, прибежал запыхавшийся посыльный и сообщил, что их срочно вызывают в штаб авиадивизии. Как оказалось, приехал генерал Дубровский, со всеми, как говорится, отсюда вытекающими... Пришлось забыть про наваристый борщ и дразнящий аромат гречневой каши с тушенкой и отправляться в штаб. Когда среди ночи прибывает высокое начальство – хорошего не жди. Это аксиома. Машину за ними, естественно, прислать забыли, а сержанта Третьяка – водителя их оперативно-розыскной группы – вместе с машиной Бородин оставил на всякий случай в госпитале с раненым Ерохиным, и пришлось еще добрых три километра тащиться пешком через полгорода. Когда они втроем наконец ввалились в штаб, все были уже в сборе. Генерал Дубровский, длинный как жердь и, как всегда, злой и угрюмый и от того чрезвычайно похожий на большого шершня, напряженно стоял у окна, нервно покуривая. Едва офицеры вошли, он медленно повернулся к вошедшим и процедил сквозь зубы:

– Наконец-то, явились. – Сказано это было таким тоном, точно Бородин со своими подчиненными прибыл не с боевой операции, а с гулянки.

– Разрешите? – глухо проговорил майор, испытывая непреодолимое желание заехать этому умнику в ухо.

– Вошли уже, – желчно проговорил Дубровский, – садитесь.

Оперативники молча расселись за приставным столом, угрюмо глядя, как генерал расслабленной, будто управляемой невидимым кукловодом походкой марионетки подошел к большой расстеленной на столе карте и, поправив на крючковатом носу круглые очки, скрипучим голосом проинформировал:

– По данным КРО¹ «Смерш» армии, в тыл нашего фронта готовится к заброске шпионско-диверсионная группа в количестве семидесяти человек. Эта группа в свою очередь разбита на отдельные подгруппы, каждая в составе трех – десяти человек, действующих под видом военнослужащих Красной армии, вооружение – советского образца. В составе каждой группы предусмотрен опытный радист с коротковолновой радиостанцией, смонтированной в гражданском чемодане, противогазной либо санитарной сумке. Все агенты снабжены хорошо изготовленными документами. По имеющимся у нас данным, агенты прошли обучение в местечке Дальвитц в двадцати пяти километрах от города Инстербурга в разведывательно-диверсионной школе, более известной как «Белорусский десантный батальон «Дальвитц». Кодовое наименование разведывательного органа – «Мельдекопф»² «Вальдбуш». Школа подчиняется уже известной вам абверкоманде-203. Вы с нею уже, если не ошибаюсь, имели дело. – Сделав паузу, гене-

---

¹ КРО – контрразведывательное отделение.

² Мельдекопф – (Meldekorf – нем.) оперативный пункт, являлся во время ВОВ полуотделением (Halbttrupp – нем.) контрразведывательного фронтового отделения Управления «Абвер».

рал внимательно оглядел присутствующих. – А между тем, как вы знаете, со вчерашнего дня 1-й и 2-й Прибалтийские фронты вошли в состав Ленинградского фронта. В связи с этим сейчас ведется широкомасштабная передислокация войск, пополнение передовых частей маршевыми ротами. Все эти обстоятельства создают чрезвычайно благоприятные условия для почти беспрепятственного проникновения в части Красной армии немецких агентов. Не секрет, что командиры частей и соединений часто принимают пополнение без предварительной проверки личного состава органами «Смерша». – Генерал обвел присутствующих строгим взглядом. – Майор Бородин, ваша группа работает в тылах 2-го Прибалтийского фронта уже месяц, и вы хорошо знакомы с оперативной обстановкой на местах, что думаете предпринять?

Майор встал и подошел к столу. В этот момент дверь распахнулась и вошел дежурный.

– Товарищ генерал, разрешите обратиться к товарищу полковнику? – Генерал небрежно кивнул, и дежурный повернулся к полковнику:

– Товарищ полковник, звонили из Управления сельсовета Кальвене. Полчаса назад местные мальчишки видели над лесом три парашютных купола. Ориентировочно в районе хутора Анмас.

– Спасибо, вы свободны, – кивнул полковник.

– Дождались первой ласточки, – желчно прокомментировал сообщение дежурного генерал.

– Разрешите? – напомнил о себе Бородин. – Вот хутор Анмас, – майор остановил указку в нужном месте. – Это от станции Кальвене порядка двадцати километров. От нас порядка ста километров – полтора-два часа на нашей «эмке»³. Маршрутов движения у диверсантов не так много. Местность там лесистая, много непроходимых болот. Так что в любом случае им понадобится проводник. Если, конечно, в составе их группы нет местного, хорошо знающего эти места. В сторону линии фронта, до которого около десяти километров, они не пойдут.

– А если пойдут? – спросил генерал.

– На этот случай, – ответил за майора его непосредственный начальник полковник Воробьев, – мы сориентируем представителей контрразведки 67-й, 42-й, 10-й гвардейской и 4-й ударных армий.

– Сориентируем, – так же желчно пробурчал генерал. – Пока вы будете ориентировать, они выйдут из леса и окажутся в нашем глубоком тылу! Ищи потом ветра в поле.

– Верно, – согласился Бородин. – А потому брать их будем на выходе из леса.

– И где, по вашему мнению, они выйдут?

– Ну поскольку, – не обращая внимания на сарказм генерала, продолжил Бородин, – в прифронтовой полосе немецкая агентура обычно действует под видом саперов, производящих разминирование либо минирование, связистов, тянущих либо ремонтирующих линию связи, снайперов или разведчиков, выполняющих особое задание командования, установить их будет несложно. В условиях передислокации войск это для них идеальное прикрытие. Возможно, они разделятся. Но я все-таки думаю, что основное ядро группы будет пробираться к станции, потому что их основное задание – сбор сведений о передислокации наших войск в преддверии наступления, а это логичнее делать на станции, ведя наблюдение в местах скопления наших военнослужащих. Опять-таки там находится общеармейской продпункт, через который ежедневно проходит огромное количество людей. Имея командировочные удостоверения либо справки из госпиталя, там проще всего затеряться, тем более что со временем эти документы будут неизбежно подкреплены настоящими отметками наших этапно-заградительных комендатур и вообще перестанут вызывать сомнения. Пройти там можно только одним путем. Вот этой тропой, – майор сдвинул указку чуть в сторону. – Она выведет их прямо к развалинам кирпичи. Там очень удобное место для засады. Около нее мы немецких агентов и встретим.

---

³ «Эмка» – автомашина «ГАЗ-М1».

– А вы думаете, немцы дураки и не понимают этого? – усмехнулся полковник.

– Ну, во-первых, – медленно проговорил майор, – за всю войну я пока не встречал в составе немецких диверсионно-разведывательных групп немцев, разве только обрусевших. Во все эти абверкоманды немцы набирают, как правило, пленных, дезертиров, перебежчиков и прочий сброд. И во-вторых, сейчас не сорок первый, так что особой прыти у диверсантов последнее время я тоже не наблюдаю. Болота уже местами оттаяли, и верхняя корка рыхлая, я не думаю, что они пойдут через них. Стоит один раз провалиться, хотя бы по пояс – и конец, согреться им будет негде. Считаю, что пойдут они именно к кирхе.

– Я согласен с майором, – высказал свое мнение Воробьев. – К тому же к этому делу будем подключать еще не менее двух оперативно-розыскных групп, которые перекроют другие, менее перспективные направления. Группе Бородина предлагаю выдвинуться в Кальвене немедленно.

– Действуйте! – согласился Дубровский.

– Разрешите выполнять? – майор повернулся к Воробьеву. – Я так понимаю, товарищ полковник, вводим в действие вариант «Полковник на «эмке»?»

ЗАПИСКА ПО ВЧ

«Начальнику ОКР «Смерш» Ленинградского фронта

В настоящее время к вам этапируется арестованный Зинчук Бронислав, проходивший обучение в Дальвитцкой диверсионной школе, в так называемом «Белорусском десантном батальоне «Дальвитц» в январе – марте с. года. Считаю целесообразным использовать Зинчука Бронислава в качестве опознавателя немецких агентов, проходивших обучение в Дальвитцкой диверсионной школе.

Новиков».

Сейчас, подходя к полуразрушенной кирхе, из которой этой ночью ожесточенно отстреливались немцы, Бородин достал и поставил на боевой взвод оба своих «ТТ»⁴. Верх башни, где вчера засел немецкий снайпер, ранивший Ерохина, сейчас скрывался в тумане. Майор осторожно зашел внутрь. Россыпи стреляных гильз и битый кирпич громко хрустели под ногами. Трупы уже увезли, но Бородин все равно чувствовал этот характерный сладковатый запах смерти, смешанный с кисловатым привкусом сгоревшего пороха. Убедившись, что внутри никого нет, майор вышел и с удовольствием вдохнул утренний морозный воздух. Дорога, больше смахивающая на тропу, огибала развалины справа и, змеясь по оврагу, исчезала в утреннем тумане. А в трех километрах дальше темнел лес. Именно над ним три часа назад вездесущие местные мальчишки видели купола опускающихся парашютов. Как они их разглядели в таком тумане, оставалось только гадать. Майор вернулся к машине, скинул видавшую виды телогрейку и, быстро стянув через голову гимнастерку, облачился в полковничий китель. Китель этот был пожертвован полковником Воробьевым как раз для такого рода маскарадов. «Эмка», выкрашенная в черный цвет, уже стояла на обочине дороги, возле машины суетился сержант Третьяк, старательно прилаживая домкрат с явным намерением снять переднее колесо. Старший лейтенант Вишня, рыжий детина в выгоревшей добела гимнастерке и накинутой на плечи заштопанной в нескольких местах телогрейке, уже запалил трофейный примус и ворожил над котелком, от которого шел головокружительный аромат тушенки.

Приданный группе для сопровождения опознавателя немецкой агентуры Зинчука капитан из комендатуры Рогов сидел со своим подопечным в машине. Майор по дороге уже успел его проинструктировать и теперь с беспокойством нет-нет да и поглядывал в его сторону. По плану операции, он с опознавателем должен был находиться в развалинах кирхи, и в случае

---

⁴ «ТТ» – пистолет «Тульский, Токарев».

успешного опознания немецких агентов капитан должен был подать условный сигнал криком испуганной птицы. К сожалению, этот сигнал у капитана никак не получался. Вишня даже весь вспотел, объясняя, что да как. В итоге сошлись во мнении, что как получится, так и получится.

Сам же Бородин, облаченный теперь в чистенькую, с иголки, отглаженную форму полковника НКВД, с двумя орденами Боевого Красного Знамени на груди, осторожно, чтобы не дай бог не помять форму, присел на передний диван «эмки» и подозвал лейтенанта Барабоху.

– Стрелять только по конечностям. Уяснил? – тихо сказал майор и внимательно посмотрел на лейтенанта.

Этот молодой белолицый лейтенант с ямочками на вечно розовых щеках и застенчивым взглядом голубых глаз был прикомандирован к их группе всего месяц назад, и поначалу старший лейтенант Вишня принял новоиспеченного розысника в штыки:

«Совсем обалдели! Здесь, на минуточку, «Смерш», а не детский сад! Скоро детей присылать начнут! Я им не нянька! Возись тут с малышкой, ему голову отстрелят, а отвечать кому? Мне. Нет уж, увольте!»

Но вскоре выяснилось, что вновь прибывший молодой лейтенант и сам стреляет как бог. И если что – в обиду себя не даст. Это пришлось признать в конце концов даже Вишне.

– Завтрак готов! – крикнул Вишня, зачерпнул ложкой ароматную кашу и, подув, попробовал. – Нет, а все-таки, что ни говори, а лучше гречки с тушенкой человечество еще ничего не придумало. Налетай!

– Значит, так, – сказал Бородин, устраиваясь на плащ-палатке, расстеленной на земле, – расстановка сил будет как обычно. Я с Третьяком около машины, Барабоха со снайперской винтовкой прикрывает нас с колокольни. Думаю, через полчаса туман рассеется. Залезешь наверх, осмотришься.

Лейтенант кивнул с набитым ртом.

– Вишня, – продолжал Бородин, – ты подстраховываешь с тыла. Спустишься в овраг и выберешь себе хорошую позицию. Здесь вокруг поле, и если что-то пойдет не так, отступить они будут назад к лесу, потому нужно отрезать их от оврага. Как пройдут мимо тебя, дашь знать. Сигнал – крик филина. И помните, они нам нужны только живыми. Особенно радист.

– А как определить, кто из них радист? – спросил лейтенант с полным ртом, накладывая себе добавки.

– Правильно, заправляйся с утра под завязку. Неизвестно, когда потом пожрать удастся, – одобрительно хохотнул Вишня. – А насчет радиста, ты меня удивляешь, Барабоха, пора уже уяснить, что радист, как правило, самый молодой или вообще девка.

– Так, все, закончили. Сигнал к началу силового захвата – моя фраза: «Третьяк, долго еще?» Всем все понятно? – Бородин посмотрел на часы. – Тогда по местам. В засаде не курить, они могут появиться в любой момент... Вишня, последнее особенно тебя касается. Ты меня понял?

– Понял, – фыркнул Вишня. – А я, товарищ майор, уже говорил, что полковничья форма вам очень к лицу?

ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

«Начальнику Главного управления войск по охране тыла 6-й гвардейской армии.

Копия: Начальнику Управления контрразведки «Смерш» 6-й гвардейской армии.

С октября 1944 года соединения 6-й гвардейской армии в составе 1-го Прибалтийского фронта совместно с другими войсками Красной армии вели упорные бои с прижатой к морю и отрезанной на Курляндском полуострове группировкой противника. Войска армии занимали участок фронта к востоку от Либавы между р. Страж и районами Приекуле и Вайньодэ, общим протяжением до 60 км. Наступательные операции, предпринимавшиеся нашими войсками в течение осени и зимы 1945 года, имели следующие цели: активными действиями ско-

вать значительные силы врага, отрезав им пути отхода в Восточную Пруссию; окружить и уничтожить Приеккульскую группировку противника, оказывавшую упорное сопротивление на Либавском направлении; перерезать рокадные пути и коммуникации войск, связывавшие гитлеровцев, оборонявшихся на Курляндском полуострове, с портом Либавы; выходом к побережью Балтийского моря в районе Павилосты разбить 16-ю и 18-ю армии противника и подготовить условия для последующего их уничтожения. Упорные и ожесточенные бои осложнялись трудными условиями сильно пересеченной лесисто-болотистой местности, наличием хорошо подготовленных в инженерном отношении опорных пунктов и узлов обороны противника, большого количества различного рода заграждений, а также неблагоприятной погодой – туман, дожди, оттепели затрудняли продвижение не только танков и артиллерии, но даже и пехоты».

Москва, Центральный аэродром им. Фрунзе, июнь 1940 года

– Надо же, как Верочка твоя вымахала! – Степан Павлович подхватил Веру и, после нескольких безуспешных попыток подкинуть вверх, смущенно и бережно поставил на землю.

– Я тебя еще пигалицей длинноногой помню, а теперь прямо невеста выросла, а уж красавица какая... – ласково погладил он девушку по щеке и повернулся к ее отцу.

– Да уж, мы же с тобой последний раз виделись еще перед Испанией, дай бог памяти, в декабре тридцать шестого, – сказал отец девушки. – Верка тогда только в пятый класс ранец таскала.

– Подожди, получается, она в этом году девятый класс окончила?

– На одни пятерки, между прочим. А как узнала, что к тебе в Москву собираюсь, даже в Крым с мамкой не поехала. Все ходила и канючила, возьми меня к дяде Степе.

– Так уж и к дяде Степе? – подозрительно покосился на Веру Степан Павлович.

– Ну конечно, ты же у нас герой, летчик-испытатель. Верунчик просто бредит небом, уже три года занимается в аэроклубе Осовиахима⁵, так что со старым добрым У-2⁶ не хуже, чем с велосипедом управляется. Собирается поступать в Борисовскую военную школу пилотов. И даже предварительную медкомиссию прошла. Только вот с физикой все никак не подружится.

– Молодец! Так держать! Значит, в папку пошла. Был бы у меня отец командир авиаполка, я бы тоже с пеленок летать начал. А физика – не беда, за год подтянет. Да, Верунчик? А ну-ка, красавица, скажи, какой у И-16 размах крыла?

– Девять метров, – без запинки выпалила Вера, отчаянно покраснев.

– А максимальная скорость?

– Пятьсот двадцать пять километров в час, да я на И-16...

– Понял, я понял, – сдаваясь, поднял руки Степан Павлович, – взлет-посадку освоила. Упростила все же папку. Только ты об этом больше никому не говори, а то не сносить твоему распрекрасному отцу головы, – прижал он к губам девушки шершавый указательный палец. – Мне можно, а всем остальным ни-ни. Даже мамке. Поняла?

– Она у меня понятливая, – ответил вместо дочери отец и указал на взлетное поле. – Как «Мессершмитты⁷» облетали?

– Ты же помнишь, я на них еще в тридцать восьмом летал в НИИ ВВС. Так что в целом аппарат знакомый. В конце мая закупили еще пять штук, вот пока две машины собрали и погоняли на совесть.

---

⁵ Осовиахим – Общество содействия обороне авиации и химическому строительству, массовая добровольная общественная военно-патриотическая организация, существовавшая в СССР в 1927–1948 гг.

⁶ У-2 – советский многоцелевой биплан, созданный в 1927 году под руководством конструктора Н. Н. Поликарпова (с 1944 года По-2, Поликарпов-2). Один из самых массовых самолетов в мире.

⁷ «Мессершмитт» – «Мессершмитт Vf 109» – одномоторный поршневым истребитель-низкоплан, состоявший на вооружении Люфтваффе (ВВС Германии).

– Ну и как?

– Пока сложно сказать. Провели только один полет на воздушный бой с И-16⁸. Стефановский на «Мессершмитте», ну а ваш покорный слуга на нашем «ишачке». Пока более-менее стали ясны наиболее уязвимые места этого немецкого самолета и некоторые аспекты рекомендуемой тактики воздушного боя с ним. Если в двух словах, то удобнее всего атаковать этого немца сзади, причем под небольшим углом снизу, в бою же на вираже я рекомендовал бы сразу переходить на «вертикальную карусель». Из боя советую выходить «горкой» вверх. А вообще-то, техника пилотирования этого немецкого истребителя очень проста. Думаю, даже твоя Верунчик справилась бы. Это если коротко. В ближайшем будущем нами будут разработаны более подробные и конкретные методические указания для наших авиаторов. А пока погоняем их еще, выжмем все соки...

– И на этом спасибо.

– Дядя Степа, а посидеть в кабине можно? – встряла в разговор Вера.

– Пойдем. Но учти, разбойница, разрешаю только посидеть, а руками ничего не трогать. Смотри и запоминай. Может, пригодится... Не дай бог, конечно... Договорились?

– Договорились! – воскликнула девушка, встала на цыпочки и, чмокнув Степана Павловича в колючую щеку, припустила со всех ног к блестящему на солнце самолету...

Ленинградский фронт, апрель 1945 года

Вишня подал сигнал примерно через час. Майор кивнул водителю, прикурил папиросу и, поминутно поглядывая на часы, принялся нервно прохаживаться возле машины, поторапливая Третьяка. Тот, оправдываясь, что-то мямлил в ответ.

Их было четверо. Они появились из оврага, как зафиксировал майор, ровно в 7.30. Впереди шел капитан Красной армии с петлицами связиста. Это был высокий коренастый мужчина лет сорока с неприятным широким лицом и маленькими глубоко посаженными глазами. Шел он расслабленно, и в его поведении не было и тени тревоги. Правда, увидев машину, он несколько сбился с шага и сразу взял чуть правее, по направлению к «эмке». За ним из тумана появилась довольно симпатичная девушка в форме санинструктора, маленького роста, со светлыми, собранными на затылке в пучок волосами. На правом плече она несла большую и, как отметил майор, довольно тяжелую на вид медицинскую сумку с красным крестом на наружном клапане. За ней шли два лейтенанта, тоже, судя по обмундированию, – связисты. Обоим на вид тридцать пять – сорок лет, среднего роста, кряжистые, с цепкими взглядами битых жизнью бродяг. Все с туго набитыми воинскими вещевыми мешками. Группа приблизилась к машине:

– Здравия желаю, товарищ полковник, – вскинул к фуражке руку капитан, бросив мимо-летний взгляд на заднее сиденье машины, где лежали опечатанные большой сургучной печатью штаба фронта пухлые серые пакеты. – Что у вас стряслось? Может, помощь какая нужна? – Голос у него оказался неожиданно мягкий, с легким прибалтийским, как отметил Бородин, акцентом.

– Да вот, застряли некстати, – не отвечая на приветствие, проворчал Бородин, посмотрел на часы и тут же с облегчением услышал, как из кирпичи раздался приглушенный крик испуганной птицы. – Меня ждут в штабе фронта, а тут это колесо, будь оно неладно.

– А то давайте, товарищ полковник, мои ребята мигом починят машину, – расслабившись, улыбнулся капитан.

– Уж будьте так любезны, – проворчал Бородин, спокойно глядя на лейтенантов, которые вразвалочку направились к машине. – Третьяк, долго еще? – фиксируя взглядом положение капитана и девушки, стоящей в нескольких метрах за его спиной, громко спросил Бородин.

---

⁸ И-16 – Поликарпов И-16, советский одномоторный одноместный истребитель. Первый в мире низкокрылый консольный истребитель-моноплан с убирающимся шасси, был основным истребителем советских ВВС в начале Второй мировой войны.

ЗАПИСКА ПО ВЧ

«По данным контрразведки фронта, абверкоманда-204 из латышей – участников националистических организаций «Перконкруст» и «Айзсарги» и созданной немцами организации «Зельбштиуц» в настоящее время активно вербует агентуру. По нашим сведениям, руководители этих организаций Рикарде, Турке и Акментиньш – являются резидентами абверкоманды-204.

В феврале 1945 года органами «Смерша» 2-го Прибалтийского фронта частично был ликвидирован так называемый Польский легион, который ранее входил в подчинение абверкоманды-204 и в январе с.г. был передан в состав абвергруппы-209 с дислокацией в местечке Фронца, близ города Быдгощ.

В феврале 1945 года при передислокации команды в городе Штольп «Легион» со всем официальным составом получил задание остаться в Тухольских лесах и после того, как части Красной армии пройдут на запад, развернуть подрывную работу на коммуникациях фронта. По данным Смерша, «Легион» был разделен на две группы, первую – в количестве 42 чел. возглавил некто Махниковский, по кличке Махник, вторую – в 21 чел. – лейтенант Эрлинг. Обе группы были экипированы в форму немецкой армии, вооружены и снабжены большим количеством взрывчатых веществ. Диверсанты имели две коротковолновые радиостанции и двух радистов.

Новиков».

Москва, Центральный телеграф, 21.00. 21 июня 1941 года

– Кобрин! Пятая кабина! – Вера подскочила с деревянной скамейки и опрометью бросилась к двери с номером пять. Схватила тяжелую черную трубку и, крепко прижав к уху, закричала:

– Папка, привет, ты слышишь меня?

– Слышу. Не кричи так. Оглушила совсем. Как прошел парад? Нормально отлетали?

– Отлично, папочка! А вы как?

– Все хорошо, тебя ждем. Ты взяла билет?

– Да. Выезжаю послезавтра в четырнадцать ноль-ноль с Белорусского.

– Как там бабушка? Уже поди на дачу переехала?

– Да. Наша бабуля держится молодцом, грядками занимается. Так что все хорошо, папочка, не волнуйтесь. Сегодня скормила мне полкастрюли вкуснейшего борща и целую сковороду пирожков с картошкой. Передает вам всем привет. Как мама?

– Ждет тебя. Я пришлю за тобой на вокзал машину. Целую.

– Не волнуйтесь за меня, послезавтра к вечеру буду дома. Целую.

Девушка повесила трубку на рычаг, вышла из кабинки и, открыв тяжелую дверь телеграфа, оказалась на улице. Теплый вечерний ветерок ласково трепал ее волосы. Она с удовольствием прогулялась по улице Горького до Бронной и, постояв несколько минут у подъезда, поднялась на третий этаж.

Москва, 10.30. 22 июня 1941 года

– Завидую я тебе, Верка. Поступишь в этом году и станешь летчицей, – Саша Бородин мягко взял Веру под руку и подвел к скамейке. – Посидим?

– Ну, до летчицы еще далеко. Для начала нужно еще вступительные испытания выдержать. За физподготовку я, конечно, не боюсь, – задумчиво проговорила девушка, присаживаясь, – а вот за физику... Говорят, на экзаменах в летной школе комиссия очень строгая.

– Ну да, ты у нас натура творческая. Тебе историю там или литературу подавай. Но я думаю, ты справишься. Школу-то с золотой медалью окончила, – ободряюще улыбнулся

Сашка, – опять же в аэроклубе на планерах летала, с парашютом прыгала. Кого же им еще брать? Да они тебя, если хочешь знать мое мнение, вообще без экзаменов должны зачислить!

– Ну не знаю... Да мало ли ребят с золотой медалью школу оканчивают? А вот физика у меня определенно хромает, уж я-то себя знаю. А ты уже решил, куда поступать будешь?

– Я – в МАИ⁹, – Бородин снял очки и повертел их в руках, – с моим зрением в летное никак. Слушай, Вера, а хочешь я тебя по физике подтяну? До экзаменов еще целых две недели, – с надеждой в голосе предложил Сашка Бородин.

– Спасибо, Саша, но завтра я уже уезжаю. К родителям в военный городок в Кобрин. Там у них побуду до экзаменов и в Борисов – сдавать. Так что не получится.

– Как уезжаешь? – упавшим голосом пролепетал молодой человек.

– Да не расстраивайся ты так, – девушка ласково погладила его по щеке, – сегодня у нас еще целый день впереди.

– Тогда, может, в кино? Там сегодня «Профессор Малок» идет.

– Так. – Вера решительно встала со скамейки и огляделась вокруг. Ребята гоняли по пыльной траве мяч, те, что постарше, резались в расшибец¹⁰, на скамейке под старой раскидистой яблоней трое пожилых мужчин играли в шахматы. – Значит, на сегодня у нас с тобой план такой. Сейчас покупаем мороженое, – Вера кивнула на лоток, стоящий в тени огромного каштана, – и прогуляемся до стадиона «Динамо», посмотрим парад и соревнования физкультурников. Ты помнишь, там сегодня Севка из нашего класса выступает? Потом возвращаемся сюда, в 4-й Эльдоратовский, бабушка накормит нас вкуснейшим обедом, погуляем до вечера, а потом – в «Эрмитаж». Сегодня Вадим Козин поет. Я его обожаю. Послушаем, и – в «Экран жизни» на твоего «Профессора Малока», как раз на последний сеанс успеем. Как тебе мой план? Согласен?

– Еще бы! – обрадовался Саша. – А завтра?

– А вот завтра с самого утра я буду собираться в дорогу. У меня поезд в два часа дня с Белорусского. Так что если хочешь проводить меня на вокзал, подъезжай часикам к одиннадцати к нам на Бронную, – девушка решительно взяла кавалера под руку и замерла.

Черный радиорепродуктор, висевший прямо над ними, вдруг захрипел и заговорил голосом диктора Левитана:

– Внимание! Говорит Москва! Сегодня в двенадцать часов пятнадцать минут по московскому времени будет передано важное правительственное сообщение.

Вера обеспокоенно посмотрела на часы – подарок родителей на окончание школы.

– Половина двенадцатого, ладно, завтра в газетах прочитаем. Побежали скорее, а то на стадион не успеем! Пару остановок на трамвае проедем. Бежим!

К началу спортивного праздника они все-таки опоздали. Когда они выпрыгнули из вагона трамвая и перебежали на другую сторону Ленинградского проспекта, перед входом на стадион уже собралась большая толпа. Каждую минуту подъезжали автобусы и спортсмены с флагами выстраивались в шеренги, но через блестящие турникеты на стадион почему-то никого не пускали. Все пространство вокруг станции метро «Динамо» и перед стадионом было заполнено юношами и девушками в белых майках и синих спортивных трусах и с флагами спортивного общества «Динамо». Между ними мелькали спартаковцы с бело-красными флагами.

Когда молодые люди подбежали к входу, то услышали, что со всех сторон из радиорепродукторов вместо спортивных маршей звучит тихий голос Молотова. Вера, глядя на притихших людей и растерянные лица спортсменов, поневоле прислушалась и все поняла...

«...Атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убиты и

---

⁹ МАИ – Московский авиационный институт.

¹⁰ Игра с монетами.

ранены более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорией... Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством...»

Вера почувствовала, как в груди начал расти ком, который с каждым словом Молотова поднимался все выше и выше, спазмом сдавливая горло. В носу предательски защипало, и слезы сами, против воли, брызнули из глаз.

«...Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне, интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един как никогда...»

Воображение уже всюду рисовало, как немецкие самолеты бомбят военный городок, как рвутся бомбы, рушатся аккуратные белые домики командного состава, как отец бежит к своему самолету, а мама... Нет, так нельзя. Нужно взять себя в руки. Чувствуя, что ей не хватает воздуха, Вера с силой сжала руку Сашу и потащила прочь, почти бегом, подальше от страшного черного репродуктора, мимо смешавшихся и застывших шеренг спортсменов, женщин, прижимающих к себе плачущих детей, уже ничего не видя вокруг, только слыша слова, которые раздавались вслед, будто толкали в спину, били по ушам, шемящей болью сдавливали сердце:

«...Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего советского правительства, вокруг нашего вождя товарища Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Вера, наконец, вырвалась из толпы и перевела дух только у мраморного парапета метро. Резко остановившись, будто наткнувшись на невидимую стену, развернула Сашу к себе лицом и посмотрела ему прямо в глаза.

– Что теперь с нами будет?.. Ну, что ты молчишь? Скажи хоть что-нибудь, – чувствуя, что сейчас опять расплечется, Вера в отчаянии замахнулась и ударила Сашу по плечу.

– Ничего, – тихо, дрогнувшим голосом произнес молодой человек, – месяц, от силы полтора, разобьем, раздавим гадину.

– А, ну да, – еле слышно пролепетала Вера и, сев на холодный мраморный парапет и уронив голову на руки, разрыдалась.

Ленинградский фронт, апрель 1945 года

Бородин, заметив движение капитана, который, стараясь сделать это незаметно, положил руку на клапан кобуры, резко присел и, перенеся на левую ногу вес своего тела, крутанулся на месте, правой подсекая капитана под колени. Тот, не удержав равновесия, стал падать на спину, рванув из кобуры пистолет. Тут же с колокольни один за другим еле слышно щелкнули два винтовочных выстрела. Бородин, услышав, как справа от него истошно завизжала девушка, рванулся вперед, подмял под себя капитана и, одной рукой взяв в железный захват его руку с пистолетом, другой нанес два мощных удара в голову. Почувствовав, как тело противника под ним обмякло, Бородин уже без усилий выкрутил пистолет из безвольной руки капитана и одним прыжком поднялся на ноги. Третьяк с опущенным «ППШ»¹¹ уже стоял над лежащими на песке диверсантами.

– Холодные, оба, – доложил он.

– Займись капитаном, – устало приказал Бородин.

Вишня, широко расставив ноги, с двумя пистолетами в опущенных руках уже навис над радисткой. Та, сжавшись в комок и защищаясь, выставила вперед руки и с ужасом смотрела

---

¹¹ «ППШ» – 7,62-мм пистолет-пулемет образца 1941 года системы Шпагина, советский пистолет-пулемет, разработанный конструктором Г. С. Шпагиным под патрон 7,62×25 мм пистолета «Тульский, Токарев».

на Вишню, который, наклонившись, одной рукой быстро открыл санитарную сумку. Увидев черную лакированную крышку рации, он поднял глаза и кивнул Бородину.

– Позывной, сука, быстро! – вдруг дико заорал Вишня, щелкнув предохранителем «ТТ», с силой ткнув стволом в живот радистке.

– САО, – еле слышно ответила девушка, дрожа всем телом.

– Не слышу! Громче!

– САО, – повторила девушка, глядя на Вишню широко распахнутыми от страха глазами.

– Старший кто? – рявкнул старший лейтенант.

Девушка кивнула на лежащего рядом капитана.

– Его позывной для радиogramм? Отвечать быстро!

– Барда.

– Сколько вас, где остальные?

– Шестеро. Мы разделились. Двое пошли к линии фронта.

– Их задание?

– Не знаю. Но через двое суток они должны вернуться.

– Ваше задание?

– Сбор и передача информации о передвижении войск, захват одиночных офицеров Красной армии для допроса с их последующим уничтожением.

– Куда шли? Явка? Куда должны вернуться остальные?

– Сбор в доме путевого обходчика, имени не знаю, это в трех километрах от станции Кальвене, на железнодорожном переезде.

– Вот так-то оно лучше. Лежи смирно, сучка, – удовлетворенно и уже абсолютно спокойным голосом сказал Вишня, расстегивая кобуру радистки и забирая ее наган и кидая его на расстеленную Третьяком плащ-палатку, где уже лежали документы и оружие остальных диверсантов. Рывком перевернул ее на живот, лицом вниз, и быстро связал руки за спиной. – Отдыхай, паскуда... Неизвестно, теперь когда придется отдохнуть.

ЗАПИСКА ПО ВЧ

«Сегодня, 01/04/45 г., оперативно-розыскной группой ОКР «Смерш» Ленинградского фронта в районе ст. Кальвене была ликвидирована немецкая диверсионно-разведывательная группа в форме военнослужащих Красной армии в составе четырех человек. Захвачены старший группы Алтис Гулбис с позывным «Барда» (не точно, личность установлена опознавателем) и радистка Акулина Голенок, позывной для радиogramм САО, проходившие обучение в Дальвитцкой диверсионной школе. А также коротковолновой радиопередатчик SE108/10. Для сокрытия принадлежности агентов все маркировки на радиостанции выполнены на английском языке. Диапазон используемых частот – 3,5–6,5 МГц. Всего десантировалось в район хутора Анмас шесть человек. Двое ушли к линии фронта.

По показанию задержанной Акулины Голенок, противника интересуют места скопления военной техники, прежде всего танков, нумерация воинских соединений, фамилии и воинские звания командиров частей РККА, состояние ж/д в тылах фронта, кто их обслуживает, какой национальности обслуживающий персонал, что перевозится. А также из каких источников идет на фронт продовольствие, какие взаимоотношения у военнослужащих РККА и местного населения.

Фролов».

Ленинградский фронт, апрель 1945 года

Сдав задержанных в отдел «Смерша» авиадивизии, группа Бородина срочно выехала обратно. Уже через пятнадцать минут группа ехала по шоссе в сторону Елгавы. Бородин кле-

вал носом, вполуха слушая, как на заднем сиденье Вишня назидательным тоном наставлял лейтенанта Барабоху:

– Слушай и запоминай. Все немецкие агенты в зависимости от поставленных перед ними задач делятся на несколько категорий. Прежде всего это разведчики. Они собирают в тылах нашей армии информацию о частях и вооружении, передвижении частей, концентрациях войск, замыслах и передают данные в разведцентры абвера. Потом идут агенты-диверсанты. Их цель – подрыв важных военных и народно-хозяйственных объектов. Не исключено, что тебе придется столкнуться и с агентами-террористами. Как правило, задача этой группы агентов – убийства командиров Красной армии и даже членов нашего правительства. Ну и, наконец, так называемые пропагандисты. Эти, как тараканы в щели, проникают в войска, с тем чтобы исподволь, аккуратненько так внушать бойцам мысль, что Советский Союз войну уже проиграл, что немцы скоро победят и не стоит кормить вшей в окопах и понапрасну проливать свою кровь, а лучше сдаться в плен к цивилизованным немцам, которые тут же обеспечат теплой одеждой, хорошим питанием, ну и конечно шнапсом и девочками. Ага, как же.

Бородин смотрел на мокрое шоссе, по которому ехала машина, и думал о своем. Отчего-то отчетливо, до мелочей вспомнилось 17 мая 1941 года. В тот день немцы прижали их в районе Маяка за Керчью к берегу пролива. Его задание – обеспечить переправу раненых на кубанский берег, в район косы Чушки – было изначально обречено на провал. Выполнить поставленную задачу было тогда невозможно. Немцы вели непрерывный обстрел берега, на котором в панике металась тысяча людей. В дело шло все, что могло хоть как-то держаться на воде. Из подручных материалов сколачивались плоты, шли в ход надутые автомобильные камеры. Многие бросались в ледяную воду, держась за бревна и деревянные снарядные ящики. Самые отчаянные прыгали в воду и покидали керченский берег вплавь. Но сильное течение тут же подхватывало их и уносило в сторону, где они тонули сотнями и тысячами. У самого пирса в морской воде плавало большое количество трупов, которые, подчиняясь чьей-то дьявольской воле, почему-то стояли в воде в вертикальном положении. Небольшая волна качала их, и создавалась страшная картина, будто они маршируют. Дикая вопли и крики стояли над проливом. О том, чтобы навести хоть какой-нибудь порядок в толпе, не могло быть и речи. Многие стрелялись, рвали и бросали в воду партбилеты, срывали с себя петлицы. Весь берег был усыпан человеческими останками – оторванными руками, головами, ногами. Наши войска из последних сил цеплялись за небольшую полоску берега шириной всего в двести метров. Закончив артобстрел, немцы густыми цепями пошли в атаку. Бородин, выпустив по немцам весь барабан, оставил для себя один патрон и хотел было уже пустить себе пулю в висок, как вдруг на небольшой высотке, совсем рядом, неожиданно поднялся во весь свой богатырский рост здоровенный моряк в тельняшке под распахнутым черным бушлатом и флотских брюках клеш. Закусив ленточку бескозырки и высоко подняв над головой автомат, он закричал:

– Братцы! Славяне! Полундра! Вперед! За мной!

И тут музыканты военного оркестра, тоже оказавшиеся на том берегу, вдруг заиграли «Интернационал». И тогда наши бойцы, здоровые и раненые, в едином порыве бросились вперед и отбросили немцев на несколько километров от берега...

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ШИФРОВКА № 1897/45

«Начальнику Главного управления войск по охране тыла 6-й гвардейской армии.

Копия: Начальнику Управления контрразведки «Смерш» 6-й гвардейской армии.

С октября 1944 года при Курляндской группировке немецких войск действует абвер-группа-212.

В настоящее время группа развернула активную разведывательно-диверсионную деятельность против войск Ленинградского фронта.

Агентура вербуются в основном из военнопленных, но преимущественно из латышей, служивших в различных антисоветских формированиях, таких как 19-я латышская добровольческая дивизия СС, из членов военно-фашистской организации «Айзсарги», полицейских и бывших латышских пограничников.

Для подготовки агентов-латышей были созданы курсы из двух отделений. Первым отделением руководит начальник группы лейтенант Хассельман, вторым – его заместитель лейтенант Кох. На курсах одновременно обучаются до 50 диверсантов (не точно) и до 15 радистов.

Личный состав группы активно используется для создания тайных складов оружия на территории Латвийской и Литовской ССР, предназначавшегося агентам, которые будут задействованы после прихода советских войск. В частности, такие склады предположительно созданы в мест. Улброк, городах Плунге, Шауляе, Виндаве¹² и Либаве¹³.

Один из филиалов группы в настоящее время дислоцируется в гор. Виндава (Вентспилс).

Казаков».

Елгава, тылы Ленинградского фронта, апрель 1945 года

– Товарищи офицеры, – полковник Воробьев сделал паузу и, внимательно оглядев присутствующих, продолжил: – За умелые действия по поимке вражеской разведывательно-диверсионной группы от лица командования объявляю вам благодарность. Теперь хочу довести до вас информацию о том, что в соответствии с директивой Ставки Верховного главнокомандования за номером 1/121 от 30.03.45 года все войсковые части и тыловые учреждения нашего Второго Прибалтийского фронта с 1 апреля 1945 года включаются в состав Ленинградского фронта, и, таким образом, Второй Прибалтийский фронт упраздняется. При этом наше фронтовое управление Второго Прибалтийского фронта до окончания полной очистки от противника Курляндии остается в составе Ленинградского фронта. В связи с включением войск Второго Прибалтийского фронта в состав Ленинградского фронта теперь организовано два направления: Ленинградское и Курляндское. В условиях реформирования войск работы нам прибавится. Необходимо исключить допуск в штабы корпусов и дивизий не проверенных через органы «Смерша» военнослужащих. Отсутствие такого рода проверок дает возможность проникать в наши штабы и органы управления шпионам, проходимцам и разложившимся преступным элементам. Необходимо тщательно проверять весь личный состав управлений корпуса-дивизий. Принимать все меры к тому, чтобы на работу в штабы и особенно в их оперативные, разведывательные и шифроотделы – отделения, на узлы связи и другие органы управления допускались военнослужащие и вольнонаемные только после предварительной их проверки через органы в установленном для этого порядке и в соответствии с положением о допуске к секретной работе. Это, так сказать, новые вводные, полученные сегодня. Так что будем работать.

Москва, Белорусский вокзал, 23 июня 1941 года

– Девушка, я же вам объясняю – есть указание: гражданских на поезда западного направления не сажать. Все ранее приобретенные билеты аннулированы.

– Ну пожалуйста, – просила Вера, чуть не плача, – поймите, мне очень нужно.

– Сейчас всем нужно. Немедленно освободите окно! А то я милицию позову.

Вера выбралась из толпы, осаждающей билетные кассы, и, выйдя на площадь Тверской Заставы, огляделась в поисках телефонной будки. Достала из сумочки записную книжку и, опустив монету в телефонный аппарат, набрала номер. Трубку сняли сразу.

---

¹² Виндава – старое название города Вентспилс (Латвия).

¹³ Либава – старое название города Лиепая (Латвия).

- Главная авиационная инспекция.
- Девушка, подскажите, как мне связаться с Супруном Степаном Павловичем.
- Одну минутку, соединяю.
- Слушаю, Супрун у аппарата, – услышала Вера знакомый голос.
- Дядя Степа, это я – Вера Белоконь.
- А, Верунчик? Здравствуй. Ты в Москве?
- Да, в Москве. Я хотела...

– Верочка, сейчас не могу говорить. У меня народ. Подъезжай-ка ты ко мне часикам так к двадцати. Наберешь добавочный сто десять, я выпишу тебе пропуск. Лады? – быстро проговорил Супрун и положил трубку.

Ровно в 20.00 Вера как штык была на месте. Молоденький солдатик с синими петлицами, дежуривший на входе, сказал, что товарища Супруна на месте нет и пропуска на ее имя никто не оставлял. Верочка вышла из здания и, перейдя трамвайные рельсы, присела на скамейку в сквере, откуда был хорошо виден вход в здание. Прождав почти три часа, она, наконец, увидела, как из подъехавшей «эмки» вылез Супрун и, оглядевшись, быстрым шагом направился к дверям. Вера подскочила, бросилась следом и догнала Супруна уже в холле. Поздоровавшись, Супрун подхватил девушку под руку и, кивнув дежурному: «Это со мной», быстро провел ее на третий этаж по широкой мраморной лестнице, покрытой темно-красной потертой дорожкой. Даже в этот поздний час здание авиационной инспекции напоминало встревоженный улей. По лестнице вверх и вниз с озабоченным видом сновали люди. Вера сразу заметила, что все они – и летчики в лихо заломленных пилотках с синими кантами, и адъютанты, бережно придерживающие на боках планшетки, и курсанты с синими петлицами, и порученцы, и даже официантки ведомственной столовой, одетые в белоснежные, накрахмаленные до хруста халаты, перемещались в этом здании почему-то только бегом. Когда они подошли к кабинету, оказалось, что за высоченными двустворчатыми дверями в приемной уже находились в ожидании Супруна человек двадцать военных в летной форме. Командиры нервно прохаживались по красному ковру приемной, то и дело подходя к огромному зеркалу и каждый раз придирчиво оглядывая свою форму или нервно приглаживая волосы. Те, кто был старше по званию, сидели на жестких стульях в белых парусиновых чехлах и, старательно скрывая волнение, то и дело поправляли ремни новеньких скрипящих портупей.

Супрун кивнул присутствующим и произнес:

– Ожидайте, товарищи. – После чего быстро провел Веру в кабинет и, указав на мягкий стул, закрыл за собой дверь.

– Верочка, у меня очень мало времени. Извини, что заставил тебя ждать. Срочно вызвали в наркомат. Что у тебя?

– Степан Павлович, я хотела узнать, как там папа? Мама?

– Верочка, сейчас ничего толком пока не известно. На западных границах идут тяжелые бои. Так что эскадрилья твоего папки уже воюет. Правда, связь с войсками плохая. С подразделениями, дислоцированными в районе Бреста и Гродно, устойчивой связи нет уже больше суток. Сама понимаешь, какая там сейчас мясорубка. Но, думаю, мама твоя уже на пути в Москву. Есть приказ по наркомату – семьи наших авиаторов эвакуировать в первую очередь. Так что причин для беспокойства пока нет.

– Степан Павлович, пожалуйста, помогите мне попасть на фронт. Я была днем в райкоме комсомола, но мне отказали.

– И правильно сделали, что не взяли! Что ты там себе еще напридумывала? Какой тебе фронт? – не на шутку рассердился Супрун. – Ты где сейчас живешь?

– У бабушки на даче на Аэропорте.

– Вот и поезжай на дачу к бабушке и выбрось все эти глупости из головы. Тебе только семнадцать лет, и, по большому счету, ты еще ребенок. Ты что, не понимаешь, что происходит?

Куда ты лезешь? Пойми же, наконец, что твоим родителям сейчас будет намного легче, если они будут знать, что их дочь в безопасности. Подумай если не о себе, то хотя бы о них.

– Но...

– Степан Павлович, к вам товарищ Каганович поднимается, – заглянув в кабинет, сообщил порученец.

– Семен, проводи девушку в кабинет напротив. Да, и позвони в буфет, пускай организуют ей чай с пирожными, – Супрун развернул Веру лицом к двери и легонько подтолкнул.

– Подождешь меня в соседнем кабинете. Как только освобожусь – поговорим. Все, шагай.

Верочка в сопровождении порученца – совсем молоденького и симпатичного лейтенанта в лихо заломленной пилотке с синим кантом – прошла в указанный кабинет и осторожно присела на краешек мягкого, в белоснежном чехле стула, целый ряд которых выстроился вдоль стены напротив длинного стола, покрытого зеленым сукном. Не успела девушка как следует оглядеться, как в дверь постучали. Через мгновение в кабинет вошла крупная женщина в белом халате и, поправив одной рукой белоснежную косынку, второй ловко поставила на стол железный поднос с чаем и тарелку с пирожными:

Девушка сделала глоток душистого чая с лимоном и осторожно взяла с тарелки большую мокрую ром-бабу, покрытую белой глазурью. Есть не хотелось, но Вера все-таки откусила кусочек. Пирожное просто таяло во рту и оказалось таким вкусным, что девушка сама не заметила, как съела все три штуки, лежавшие на тарелке. Запила чаем, поставила на зеленое сукно стола серебристый подстаканник с большим серебристым гербом СССР на выпуклом боку и огляделась. Прямо перед ней стояло большое черное кресло, над ним висел огромный портрет Сталина в красивой золоченой раме, справа высился стального цвета сейф с большой Т-образной ручкой. На столе, отливая бронзой, стояла массивная чернильница на малахитовом основании, чуть слева под красивой лампой с круглым стеклянным абажуром зеленого цвета – стопка пухлых канцелярских папок на завязках с черными штампами «ВВС РККА»¹⁴. Вера встала и, осторожно ступая, прошла по блестящему, натертому воском паркету, подошла к огромному окну, потрогала тяжелые плотные портьеры, вернулась к столу, уселась в кресло и несколько раз щелкнула выключателем настольной лампы. Тут ее внимание привлекла ровная стопка белых листков бумаги, Вера подвинула бумаги к себе поближе. Это оказались незаполненные бланки мобилизационных предписаний с синими гербовыми печатями на размашистой подписи начальника Главного управления ВВС Красной армии. Не успела Вера взять несколько бланков из пачки – только посмотреть! – как внезапно открылась дверь и в кабинет стремительно вошел Супрун.

– Сиди, сиди, – махнул рукой Супрун, видя, что девушка от неожиданности вскочила с кресла. – Ну, и на чем мы остановились? Ах, да. Пойми, это уже само по себе большое счастье, что сейчас ты оказалась в Москве, а не там – под Кобрином. Давай решим с тобой так. Пока ничего не известно, ты сидишь в Москве и сама ничего не предпринимашь. Ничего! Ясно?

– Ясно, – понурившись, проговорила Вера.

– Вот и договорились. Я полагаю, что в течение недели, максимум через десять дней все прояснится. Скорее всего, уже вернется из Кобринна твоя мать, и мы все вместе сядем и подумаем, как нам жить дальше. Хорошо? И не разводи мокроту. Ты же будущий сталинский сокол. Ну, право слово, тебе перед отцом не стыдно? Ну? – Убедившись, что девушка перестала всхлипывать, Супрун мягко взял ее под руку и сказал тоном, не терпящим возражений: – Уже поздно, сейчас я тебя отвезу домой, ты успокоишься и ляжешь спать. А то я тоже сегодня замотался совсем. Ну и денек! Поехали.

«Эмка» вырुлила на трамвайные пути. На Садовом кольце уже стояло оцепление и рабочие разгружали из машин обрезки рельсов и двутавровые балки, в темноте мигали белые

---

¹⁴ ВВС РККА – Военно-воздушные силы Рабоче-крестьянской Красной армии.

огоньки и сыпались искры – варили противотанковые «ежи». Жара совсем спала, и душная летняя ночь медленно опускалась на город. В скверике перед Оружейными банями бойцы, разобрав брусчатку тротуара и подбадривая себя шутками, окапывали зенитку. Полупустой, красного цвета трамвай «А», мелодично звеня, медленно пересекал Каляевскую улицу. Слева Вера увидела кинотеатр «Экран жизни», и слезы опять навернулись на глаза. Вспомнился Сашка Бородин. На фильм «Профессор Малок» они в тот день так и не попали... На Самотечной улице машину остановил патруль. Проверка документов. Солдаты попросили всех выйти из машины, проверили документы, тщательно осмотрели салон и попросили открыть багажник. Еще раз предупредили о соблюдении светомаскировки. Наконец, выехали на непривычно пустынную в этот час улицу Горького. Слева на жилом доме Верочка увидела огромный, во весь первый этаж плакат, которого утром еще не было. На нем под красным знаменем бежали два матроса с винтовками наперевес, а ниже крупными буквами призыв: «Бей врага, как его били отцы и старшие братья – матросы Октября!»

– Тебя куда подвезти, Верочка? Домой, на Бронную, или на Аэропорт, на дачу? – спросил Супрун, оторвав девушку от тяжелых дум.

– Давайте на дачу, – махнула она рукой. – Дома, в пустой квартире, я с ума сойду.

У затемненного Белорусского вокзала, на площади Тверской Заставы стояли колонны солдат.

«На фронт уезжают», – отрешенно подумала Верочка и отвернулась. Через несколько минут машина свернула с Ленинградского проспекта и остановилась под большим тополем в 4-м Эльдоратовском переулке, к самому дому подъезда не было. Девушка вышла из машины, поблагодарила Супруна и медленно пошла домой.

Из сообщения УКР «Смерти» Ленинградского фронта (апрель 1945 года):

«В ходе наступательных операций войск фронта устанавливается, что при отступлении разведка и контрразведка противника активно проводят работу по переброске и оставлению своей агентуры на освобожденных войсками Красной армии территориях».

Курляндская группировка немецких войск, апрель 1945 года

– Господин бригаденфюрер, поздравляю вас, приказ о присвоении вам звания группенфюрера уже подписан в Берлине.

– Хайль Гитлер! – выбросил вверх руку в приветствии бригаденфюрер Карл Хильберт, командир 16-й армии группы войск «Курляндия». – Полковник, вы отправили в Берлин запрос на эвакуацию наших войск?

– Да.

– Что ответил Берлин?

– Фюрер запретил эвакуацию. Кроме того, подписал приказ о подготовке к взрыву портов Виндава и Либава. И еще одна неприятная новость. Сегодня к нам прилетает начальник отдела «Абвер-2» полковник Мориц Беккер.

– Только этого нам не хватало! – Генерал встал из-за стола и задумчиво посмотрел на огромную карту Курляндии, висевшую на стене.

Отдел «Абвер-2» считался самым засекреченным в системе разведки вермахта, и помимо подготовки и заброски диверсантов в тыл противника он занимался диверсиями и формированием отрядов из сочувствующих Германии национальных меньшинств, проживающих в советском тылу. К тому же именно отделу «Абвер-2» подчинялись головорезы из «Бранденбург-800» и полка особого назначения «Курфюрст». Так что ничего хорошего от этого визита ждать не приходилось. «А впрочем, – подумал Хильберт, – пускай этот напыщенный индюк приезжает и сам занимается подготовкой к взрыву Вентспилса! У нас и своих дел полно!»

Генерал снова посмотрел на карту. Из сегодняшней фронтовой сводки он уже знал, что немецкие войска были вынуждены спешно отступить из Братиславы и войска 2-го Украинского фронта полностью освободили город, а под Веной советские войска уже подошли к рубежу реки Дравы, и, таким образом, выход советских войск к Дунаю и уличные бои в южной части Вены было делом ближайшего будущего. Также генерал знал, что в результате наступления войска 2-го и 3-го Украинских фронтов 4 апреля полностью овладели всей территорией Венгрии. Поэтому 300-тысячная группировка, блокированная большевиками в Курляндии, по его мнению, сейчас очень бы пригодилась в Восточной Пруссии на подступах к Кенигсбергу. Еще не поздно было, сосредоточив все имеющиеся силы в один кулак, попытаться вырваться с полуострова. Приказ же Берлина подготовить к взрыву латвийские порты и прибытие в связи с этим полковника из «Абвер-2» сильно осложняли задачу.

– Курт, – обратился он к полковнику, – вызовите ко мне главного инженера укрепрайона Вейсберга.

– Сколько в нашем распоряжении имеется тола и детонаторов? – спросил генерал, когда тот вошел.

– Сейчас трудно сказать точно, но по примерным подсчетам, – инженер на мгновение задумался, – думаю, тонны три.

– Сколько нужно взрывчатки для минирования порта Виндавы для полного его разрушения?

– Этого количества недостаточно. Кроме того, в нашем распоряжении нет проектно-технической документации сооружений порта, поэтому мы не знаем места расположения критических элементов порта, разрушение которых привело бы к полному уничтожению объекта. Без знания расположения критических элементов сооружений нам потребуется самое малое около двадцати тонн взрывчатки.

– А если, предположим, в нашем распоряжении будет такая документация? – спросил генерал.

– Потребуется вдвое меньше, – пожал плечами инженер.

– А где может находиться эта документация?

– Вероятно, у большевиков. Все архивы они эвакуировали еще в сорок первом. Кроме того, такими сведениями могут обладать инженеры, участвовавшие в его строительстве либо минировании...

– Что вы сказали?

– Я высказал лишь свои предположения, генерал. Большевики при отступлении имеют обыкновение минировать наиболее значимые объекты с их последующим подрывом. И как правило, в самый последний момент.

– Но порт достался нам целым...

– Это совершенно не означает, что объект не был заминирован большевиками при отступлении. Возможно, они не успели осуществить подрыв. В этом случае нам просто нужно найти места, где Советы заложили взрывчатку.

– Но наши саперы еще в сорок первом тщательно обследовали порт и никаких признаков минирования не нашли.

– Как показывает практика, это ни о чем не говорит, – возразил инженер. – Мины могли быть заложены в подземных коммуникациях, и найти их чрезвычайно сложно. Словом, нужен человек, знающий, где и сколько было заложено взрывчатки. Либо, повторюсь, если минирование не производилось, то для успешного подрыва малым количеством взрывчатого вещества нужна техническая документация.

– Курт, связь с Берлином, срочно. И передайте мой приказ командиру 30-го саперного батальона 30-й пехотной дивизии незамедлительно приступить к обследованию всех без исключения помещений и подземных коммуникаций порта. Командиру отдельного строитель-

ного батальона 43-го армейского корпуса, а также 187-го инженерного батальона 87-й пехотной дивизии немедленно приступить к подготовке к минированию территории порта Виндавы и прилегающих к нему городских кварталов.

Ленинградский фронт, апрель 1945 года

– Полковник, не стройте из себя цацу! – гремел генерал Дубровский. – Что там еще? – повернулся он на скрип открывающейся двери.

– Разрешите? – В комнату протиснулся Бородин.

– Подождите за дверью! – рявкнул генерал.

Майор осторожно притворил дверь и вышел на крыльцо. Уже смеркалось. За станцией медленно догорал алый закат, предвещая на завтра ветреную и холодную погоду. Бородин вдохнул полной грудью свежий влажный воздух, насыщенный запахом подтаявшего снега, и закурил.

Вспомнилась отчего-то ночь на 13 октября 1944 года, когда группа Бородина в составе пяти человек вместе с Йонасом – перевербованным агентом абвера – под видом местных жителей благополучно перешла линию фронта и незаметно вышла на окраину оккупированной немцами Риги. Тогда по приказу Ставки группа должна была захватить одно из подразделений гитлеровского разведывательного органа «Абверштелле-Остланд».

Под покровом темноты отправленный с ними Йонас, хорошо ориентированный в городе и прекрасно знающий не только улицы Риги, но и расположение абверовской разведшколы, провел группу к объекту – старому двухэтажному, внешне ничем не примечательному зданию, стоящему на узкой старинной улочке Риги. В нем и располагался один из разведывательных отделов «Абверштелле-Остланд» со всей картотекой, хранившей сведения о сотнях немецких агентов и преподавателях разведшколы.

Быстро и бесшумно сняв часовых, они проникли внутрь темного здания, где неожиданно наткнулись на группу засидевшихся допоздна абверовцев, которые открыли беспорядочную стрельбу. Но Смершевцам удалось быстро уничтожить их, найти сейфы с картотекой и другими оперативно значимыми документами. На звуки выстрелов быстро отреагировали немецкие патрули, и через несколько минут все здание уже было окружено гитлеровцами.

– Надо продержаться, – сказал тогда Бородин, бросив взгляд на часы. – Наступление должно начаться через тридцать две минуты.

И они держались, отражая атаку за атакой. В ход уже давно шло трофейное оружие и гранаты. Вскоре Бородин был ранен в бедро. Рядом яростно отстреливался Вишня. Силы были неравны. Здание разведшколы горело, но немцы силами до батальона упорно продолжали штурм.

И вот, наконец, сквозь грохот пулеметных очередей Бородин услышал сначала дальний гул канонады, стремительно приближавшийся к городу, а потом и сухие автоматные очереди наших «ППШ».

Он понял, что это ребята из фронтовой разведки пробиваются к зданию на помощь группе Бородина.

– Ура!!! – последнее, что услышал Бородин и потерял сознание...

Деревянные створки единственного освещенного окна вдруг с треском распахнулись, майор мотнул головой, отгоняя воспоминания, и услышал спокойный голос полковника Воробьева: – Заходите!

– Майор, доложите о задержанной группе, – сказал генерал, когда Бородин вошел.

– Немецкая диверсионно-разведывательная группа в составе шести человек была сброшена с самолета в 0.10 минут в лесной массив в районе хутора Анмас, что в двадцати километрах от железнодорожной станции Кальвене, – начал доклад Воробьев. – На данный момент частично установлен состав группы – старший группы Алтис Гулбис с позывным «Барда»,

бывший лейтенант Красной армии, командир роты 152-й стрелковой дивизии. В июле сорок первого под Смоленском с оружием в руках перешел к немцам. До ноября сорок первого года содержался в лагере для военнопленных в Ковеле. Затем проходил обучение в Варшавской разведшколе. С сорок второго шесть раз забрасывался в тылы Красной армии, награжден немцами медалями «За храбрость» I и II степени. Радистка группы – Акулина Голенок, позывной для радиোগрамм САО, санитарка эвакогоспиталя № 3424, попала в плен под Красным Лугом в августе сорок третьего. Проходила обучение в разведшколе на станции Найкурен в Восточной Пруссии. Вместе с ней захвачен коротковолновой радиопередатчик SE108/10 в исправном состоянии, а также комплект запасных батарей для рации, полный комплект шифроблокнотов и шифротаблиц. Кроме того, у диверсантов был обнаружен комплект запасных батарей для передатчика SE88/5. Вероятно, данная радиостанция использовалась для связи с немцами путевым обходчиком. Отсутствие в течение последнего времени радиоперехватов в расположении Ленинградского фронта позволяет сделать вывод, что из-за отсутствия питания для рации путевой обходчик в данное время не имеет связи с немцами. Этот факт позволяет нам начать с немцами радиоигру. Радистка дала согласие на сотрудничество. Считаю целесообразным включить ее в функельшпиль¹⁵. Личности двух других членов разведгруппы, ликвидированных при задержании, устанавливаются. При десантировании группа разделилась. Двое диверсантов ушли через лесной массив к линии фронта.

– Что конкретно предпринято в этой связи? – спросил генерал.

– По показаниям радистки Акулины Голенок, встреча с ними назначена на завтра, – посмотрел на часы Бородин, – в доме путевого обходчика на железнодорожном переезде в трех километрах от станции Кальвене. Дом взят нами под круглосуточное наблюдение.

– Кто сейчас контролирует ситуацию на месте?

– Лейтенант Барабоха.

– Хорошо. Докладывайте об обстановке каждые три часа. С этим делом пора заканчивать. Даю вам сутки, и не более. Если «гости» не появятся в течение этого времени, передавайте обходчика в НКВД. Присаживайтесь к столу, – пригласил Дубровский. – Итак, по сообщению зафронтовой разведки, в частности нашего агента «Хлоя», начальник группы абверкоманды-212 лейтенант Хассельман Хельмут, кличка Александр, и его заместитель лейтенант Шуберт Ганс, кличка Гор, разбили подготовленные ими агентурные кадры на мелкие диверсионно-террористические группы. Они снабжены оружием преимущественно советского образца, боеприпасами, взрывчатыми веществами, и в настоящее время их интенсивно обучают взрывному делу. Также в начале марта сорок пятого года при абверкоманде-212 были созданы еще несколько диверсионных групп из подготовленной в Дальвитцкой диверсионной школе агентуры и военнослужащих германской армии. Эти группы также снабжены поддельными документами, оружием, продовольствием и будут оставлены немцами в Курземских лесах Курляндии в специально построенных и оборудованных землянках-укрытиях. С оставленными диверсионными группами руководством абверкоманды-212 планируется поддерживать связь с помощью приданных им переносных коротковолновых радиостанций. Задача данных диверсионно-террористических групп – с приходом советских войск в Курляндию развернуть в нашем тылу подрывную деятельность против частей Красной армии, основное задание – осуществить подрыв портов Виндава и Либава. Какая именно диверсионная группа из оставленных немцами в нашем тылу будет задействована для диверсии в портах Лиепай и Вентспилса, нам пока неизвестно. Но по информации фронтовой разведки Ленинградского фронта, немцы, в ожидании нашего наступления на Курляндскую группировку войск, уже начали интенсивные работы по подготовке к минированию морских портов Либавы и Виндавы.

---

¹⁵ Функельшпиль – радиоигра, передача дезинформации с помощью перевербованного агента.

Эти данные подтверждаются захваченными в результате действий наших разведгрупп пленными: одним – в районе юго-западнее Бриэжи и тремя – в районе Иечукрогса.

Контрразведывательной операции по предотвращению взрывов в портах Лиепайи и Вентспилса, а также уничтожению оставленных немцами с этой целью немецких диверсионных групп присвоено кодовое наименование «Страж». Учитывая важность успешного проведения операции «Страж», ставлю вас в известность, что с ноль-ноль часов сегодняшнего дня проведение операции «Страж» взято на контроль Ставкой Верховного главнокомандующего. По распоряжению начальника ОКР «Смерш» вся зафронтальная агентура уже ориентирована на выявление мест закладки взрывчатки, кабелей подключения и пультов управления взрывами. По реализации операции «Страж» командованием фронта было принято решение задействовать в том числе и вашу группу.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ШИФРОВКА № 1908/45

«Начальникам ОКР «Смерш» Ленинградского фронта

В связи с тем, что 12.04.45 г. с 0.00 часов проведение операции «Страж» взято на контроль Ставкой Верховного главнокомандующего, ориентировать всю имеющуюся в распоряжении контрразведки фронта зафронтальную агентуру на выявление мест закладки взрывчатки, кабелей подключения и пунктов инициирования взрывов в районе портов Либава и Виндава.

Казаков».

Курляндская группировка немецких войск, апрель 1945 года

Большой транспортный «Юнкерс-52», тяжело ударившись шасси о бетонку взлетно-посадочной полосы и пробежав несколько сот метров, замедлил ход и, развернувшись, замер напротив покрытого маскировочной сетью большого ангара. Из кабины пилотов вышел техник и, потянув вовнутрь салона тяжелую дверь, стал прилаживать металлическую лестницу-трап. Начальник отделения «Абвер-2» полковник Мориц Беккер встал с жесткого железного сиденья и стал разминать затекшие во время полета ноги. Летевшие рядом и весь полет молчавшие трое молодых людей в строгих черных костюмах и со значками членов НСДАП на лацканах безукоризненно чистых и отглаженных пиджаков тоже встали и с интересом смотрели на взлетное поле через мутные от влаги иллюминаторы из толстого плексигласа. Глядя на них, Беккер сразу вспомнил Восточную Пруссию, где в апреле 1944-го, когда в городе Хоэнзальца был сформирован штаб «Ягдфербанд «Ост», занимающийся подготовкой и заброской диверсионно-разведывательных групп на территорию советской Прибалтики. Тогда тоже из Берлина без всякого предупреждения прилетели двое точно таких же «пиджака» с такими же партийными значками на лацканах. Они резво пробежались по территории, пообщались с курсантами, посетили столовую и к вечеру улетели. А через две недели на стол самому Канарису лег доклад, состоящий из нескольких томов, в котором сообщалось об отвратительной организации подготовки курсантов. Этот доклад тогда едва не стоил Беккеру карьеры, которую он скрупулезно строил не один десяток лет. Спасло его тогда только хорошее личное отношение к нему шефа немецкой разведки.

«Да, не поздоровится Карлу, – без злорадства подумал Беккер про командира 16-й армии Курляндской группировки Карла Хильберта. – Впрочем, – поправил он сам себя, – возможно, они прибыли и не по мою душу».

И действительно, не успели партийные работники спуститься по трапу, как черный, блестящий лакированными боками «Хорьх», до этого мирно «дремавший» у летного ангара, вдруг сорвался с места и, едва не задев крылом вышедших на поле летчиков, затормозил возле трапа. Начальник отделения «Абвер-2» с внутренним облегчением увидел, как двое парней со знач-

ками резво запрыгнули в автомобиль, хлопнули дверцы, и «Хорьх», стрельнув из-под колес песком, помчался к КПП. Тогда он неторопливо спустился по трапу и направился к ангару, возле которого стоял неприметный, потрепанный жизнью черный «Мерседес», приписанный к абверу.

Ленинградский фронт, апрель 1945 года

Лейтенант Барабоха, завернувшись в плащ-палатку, уже пятый час лежал в зарослях кустарника метрах в тридцати от одноэтажного кирпичного здания путевого обходчика. С этой позиции хорошо просматривался вход в дом и стена с тремя окнами, выходящими в сторону леса. «Хорошо еще, что у обходчика нет собаки», – все больше коченея от пронизывающего ледяного ветра, думал лейтенант. За все время старик обходчик лишь трижды вышел из дома, и то только для того, чтобы поднять шлагбаум, один раз он пропустил колонну из восьми полуторок с солдатами и два раза – открывая проезд для одиночных машин. Все перемещения объекта, засекая точное время, лейтенант старательно записывал в блокнот. На вид объекту наблюдения было лет под семьдесят, невысокого роста с большой плешивой головой на короткой шее. Его неприятное широкое лицо с мелкими чертами, сплошь изрезанное глубокими морщинами, большей частью было скрыто надвинутым капюшоном. Кутаясь от шквальных порывов ветра в старую немецкую армейскую плащ-палатку, старик в нужный момент быстрым шагом подходил к шлагбауму и, пропустив автотранспорт, тут же исчезал в доме. Гости за время наблюдения к нему не заходили, следовавшие через железнодорожный переезд машины не останавливались. Впрочем, как и за все прошедшие сутки, когда в засаде сидел Вишня. Настроение у лейтенанта с утра было отвратительным. Пришло письмо от младшей сестры Насти, которая, едва окончив среднюю школу, тут же поступила в специальную школу радистов. И хотя война уже почти закончилась, все равно представить ее, такую юную и хрупкую, на фронте или даже, упаси бог, за линией фронта, в немецком тылу, он не мог. Сам-то он с самого детства мечтал стать разведчиком. Усиленно занимался академической греблей, поскольку этот вид спорта хорошо развивает все группы мышц. Потом – стрельбой. Даже успел еще в школе выполнить норматив I разряда. И едва отметив восемнадцатилетие, на следующий же день пришел в военкомат, решив не дожидаться повестки. Попав на 2-й Прибалтийский фронт, окончил курсы снайперов и там же открыл свой первый боевой счет. Сейчас на прикладе его снайперской винтовки было уже четырнадцать зарубок – по числу убитых им гитлеровцев. Потом было тяжелое ранение и предложение перейти в оперативно-розыскной отдел «Смерш» полковника Воробьева. Пошел он в «Смерш» с затаенной радостью. Сбылась его мечта, правда он стал не разведчиком, а контрразведчиком, но все же... К тому же теперь у него в кармане гимнастерки лежала заветная красная книжица с тисненными золотом буквами «НКО Главное управление контрразведки «Смерш», едва взглянув на которую робели даже войсковые генералы. Но на новом месте у него сразу все как-то не задалось. Вот и позавчера он получил нагоняй от майора за то, что при задержании диверсионной группы Алтиса Гулбиса застрелил двух диверсантов. Но если бы он стрелял, как было приказано, только по конечностям, наверняка погиб бы Третьяк. Но это в расчет, конечно, никто не берет. Майор, отчитывая его при всех, как мальчишку, так и сказал: «Здесь не место для самодеятельности, и в любом случае приказы нужно выполнять». Вот на фронте все было по-другому. Там – сам погибай, а товарища выручай.

От невеселых мыслей его отвлек еле слышный звук приближающихся шагов. Он хорошо помнил, как Вишня наставлял его, что звук шагов в лесу человек легко различает на расстоянии примерно тридцати метров. Барабоха поплотнее завернулся в плащ-палатку и вжался в землю. Мимо него, осторожно ступая по песку, прошел человек. Вскоре раздался явно условный стук в дверь. Два коротких и через паузу один, и потом снова два коротких стука. Над крыльцом тотчас вспыхнула тусклая лампочка. Человек сбросил капюшон, и лейтенант сразу узнал гостью. Это была врачиха из дезинфекционного пункта станции Кальвене Ирма. Высо-

кая, статная, с толстой длинной косой цвета спелой пшеницы и огромными синими глазами, похожими на бездонные озера. Барабоха знал, что уже немало мужчин утонуло в них. Да и сам лейтенант, у которого не было девушки – не успел как-то до фронта обзавестись, – нередко представлял ее рядом с собой, скажем, на Тверском бульваре или в Александровском саду. Сейчас же, увидев ее здесь, у дома путевого обходчика, он почувствовал, как у него неприятно кольнуло сердце.

ОРИЕНТИРОВКА

ОКР «Смерш» разыскиваются:

– *Пехау Манфред, 35 лет, житель гор. Берлина, немец, доктор юридических наук, иштурмбанфюрер СС, руководитель разведоргана «Ягдфербанд-Балтикум». Среднего роста, худощавый, волосы с проседью, близорук, носит очки.*

– *Янкаус Борис, около 30 лет, уроженец и житель гор. Риги, латыш, являлся взводным командиром полицейского батальона, награжден немцами орденом Железного креста 2-го класса, унтершарфюрер СС, командир группы диверсантов. Низкого роста, худощавый, брюнет.*

Всем ОКР «Смерш» принять меры к обнаружению и задержанию.

Горобец».

Москва, 25 июня 1941 года, 6 часов утра

«24 июня противник продолжал развивать наступление на Шауляйском, Каунасском, Гродненско-Волковысском, Кобринском, Владимир-Вольнском и Бродском направлениях, встречая упорное сопротивление войск Красной армии...»

Вера выключила радио. Времени оставалось совсем мало, еще нужно было успеть позавтракать, привести себя в порядок и бежать на Песчаную улицу к станции метро «Сокол». Сегодня уходили на фронт сразу четверо ребят из ее класса. Сбор призывников был назначен на 7 часов утра перед зданием Центральной поликлиники гражданского воздушного флота, то есть – Верочка посмотрела на часы – уже через сорок минут.

Когда Вера подбежала к новому зданию поликлиники, где размещался штаб сборного пункта, на улице уже стояли три синих автобуса, а за высоким металлическим забором было полно народу. Бегали, отдавая распоряжения, командиры в форме, сбившиеся в кучки коротко стриженные и по-летнему одетые в спортивные майки призывники тайком курили в сторонке у кустов сирени, в центре площадки толклись пожилые ополченцы с рюкзаками и потертыми фибровыми чемоданами, некоторые, несмотря на жаркую погоду, были в телогрейках. Вера подошла вплотную к забору, пытаясь в толчее и суете рассмотреть кого-нибудь из одноклассников.

– Вера, Белоконь! – Кто-то тронул девушку за плечо.

Она обернулась и увидела Валерию Аркадьевну, учителя химии, а последние два года их классную руководительницу.

– Здравствуйте, Валерия Аркадьевна, – вежливо поздоровалась Вера. – Наших не видели?

– Костика и Максима Свалова. Они уже там, – голос учительницы дрогнул, и она кончиком платка вытерла уголки глаз, – а Саши и Игоря пока нет.

– Верка! Привет! – Сашка Бородин подскочил откуда-то сбоку, обнял Веру и, приподняв, закружил.

– Саня, поставь меня, пожалуйста, на место, – попросила девушка, – неудобно.

– Ой! – ойкнул Бородин, только сейчас заметив классную. – Извините, Валерия Аркадьевна! – И, осторожно поставив Веру на асфальт, выпустил ее, наконец, из своих объятий.

– Становись! – раздалась громкая команда.

Толпа людей за забором сразу зашевелилась, загудела, как встревоженный улей, со всех сторон теперь слышались последние напутствия:

- Мамку слушайте!
- Обязательно пиши!
- Сразу же сообщи номер своей полевой почты!
- Я тебя буду ждать.
- Люблю.
- И я тебя.

Сашка Бородин покосился на учительницу и сказал:

– Ну все, мне пора, а то вместо фронта на гауптвахту отправят, – пошутил он, грустно улыбнулся и вдруг порывисто прижал Веру к себе и коротко и крепко поцеловал прямо в губы.

Вера оторопела, а когда пришла в себя, Сашки рядом уже не было. Он растворился в круговороте толпы.

– Равняйся. Смирно! – скомандовал молоденький лейтенант, и сразу стихли все голоса и неровная шеренга новобранцев замерла на месте. Вокруг слышались только тихие всхлипывания маленьких детей. Те, кто отправлялся на фронт, замерев на месте, не отрываясь смотрели в почти полной тишине на тех, кто их провожал. И те и другие отчаянно пытались запомнить на всю оставшуюся жизнь, короткую или длинную, эти прощальные взгляды.

– Ша-гом ма-а-а-рш! – прозвучала следующая команда, и новобранцы двинулись к автобусам, пока неумело держа строй, то и дело сбиваясь с шага. Через несколько минут колонна и вовсе потеряла свои очертания, и тут грянул марш «Прощание славянки». И сразу вокруг снова все заголосили, закричали, махая букетами цветов, отовсюду снова слышались последние напутствия, последние недосказанные слова...

* * *

Прошло еще два мучительно долго тянувшихся дня. Известий от мамы все не было. Вера несколько раз пыталась дозвониться до Супруна, но из этого ничего не получилось. Разозленный ее постоянными звонками, какой-то полковник Щербаков из Авиационной инспекции, наконец, сказал, чтобы она больше не звонила, так как товарищ Супрун вылетел с истребительным авиаполком на Западный фронт. Между тем сообщения с фронтов становились все тревожнее. Немцы уже захватили Гродно, Кобрин, Минск, вышли к Березине. Каждый день бомбили Борисов. В Москве то и дело объявляли воздушную тревогу. Сначала учебную. Ночью в окнах звенели стекла – совсем рядом стояла зенитная батарея. Небо, в котором плавали огромные аэростаты заграждения, постоянно освещалось лучами мощных прожекторов. Одна тяжелая бомба упала на Большой Грузинской улице, совсем рядом с Белорусским вокзалом. Взрывной волной подбросило и смяло точно консервную банку пустой трамвай, стоящий неподалеку. Несколько мелких бомб упали и в поселке Сокол, в районе Песчаной улицы. В Москве было введено военное положение. В городе был введен комендантский час. Все учреждения стали работать строго до 22 часов 45 минут. С нуля и до четырех часов утра по Москве было запрещено перемещаться пешком и на автомобилях. Иногородним запретили въезд в Москву, а работающих москвичей обязали носить с собой спецпропуска. Началась эвакуация и повсеместная маскировка города. Был введен режим полного затемнения. И все же, несмотря ни на что, город жил почти прежней довоенной жизнью. По крайней мере так казалось Вере, когда она выходила днем на улицу. С самого утра, каждый день, Вера приходила в райком комсомола, и снова и снова на ее просьбу отправить на фронт ей отвечали категорическим отказом. А сегодня вдруг предложили ехать под Звенигород рыть окопы. Она с радостью согласилась. Сидеть без дела на даче она уже не могла.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ШИФРОВКА № 1928/45

«Начальникам штабов и корпусов Ленинградского фронта

Установить строжайший контроль за радиостанциями всех видов и назначений, работу на проверку производить только в присутствии офицерского состава, знающего код, сигналы, ключи, азбуку Морзе. Категорически запретить разговоры по радио и передачу сверх установленных поверочных сигналов.

Всю эту работу проводить строго ограниченному кругу лиц (командир части-соединения, начальник штаба, зам. по политчасти и нач. органов «Смерша»)

О принятых мерах доносить мне через каждые пять дней.

Казаков».

Курляндская группировка немецких войск, апрель 1945 года

Открыв дверь автомобиля, Мориц Беккер сел на потертое сиденье, с облегчением увидев за рулем своего давнего друга Мартина Леманна, сотрудника абвера, прикомандированного к Курляндской группировке немецких войск еще в октябре 1944-го.

– Что нового на фронте? – поинтересовался Беккер.

– Все то же самое, Мориц, – ответил тот, – это у вас в Берлине жизнь бьет ключом. Ты ведь по поводу акции возмездия прибыл? – прямо спросил Мартин.

– Ты всегда был проницательным малым. После казни Канариса Шеленберг рвет и мечет. Шутить с Вильгельмом сейчас себе дороже. Да и наш старик генерал Бертрам совсем потерял покой. Весь абвер сейчас будто под увеличительным стеклом, как бабочка под лупой лепидоптеролога¹⁶.

– Взорвать под носом у большевиков Вентспилский порт – дело, конечно, хорошее, но трудное.

– В чем проблема, Мартин?

– Проблема в том, что для этого маленького фейерверка потребуется такое количество взрывчатки, что тебе и не снилось. Вам там, в Берлине, легко планировать, а между тем, как говорят русские «гладко было на бумаге, да забыли про овраги».

– А конкретнее?

– Почти двести тонн!

– Насколько мне известно, большевики оставили в порту именно столько взрывчатки, сколько требуется, чтобы его взорвать. Нужно просто найти ее, и все.

– Тридцатый саперный батальон тридцатой пехотной дивизии только поисками и занят, вместо того чтобы минировать передний край в преддверии большого наступления русских. Но результата пока нет.

– Я подключу к этой операции одного из лучших агентов – «Хельгу». Ты ее знаешь. Она уже почти год неплохо справляется со своей работой в штабе Ленинградского фронта.

– А что, она хороша собой, как и прежде? – улыбнулся Мартин. – Помню, тогда в сорок четвертом ты неплохо поработал с ней.

– Я не видел ее уже больше года, но думаю, что она по-прежнему прелестна.

– Если ты отзовешь ее, мы лишимся источника очень ценной информации. Не советую тебе это делать, – серьезным тоном сказал Мартин. – Тем более что найти человека, занимавшегося закладкой взрывчатки в Вентспилсе еще в сорок первом году – задача не на один день.

– Расслабься, Мартин, мы в Берлине, как опять-таки любят говорить русские, тоже не лаптем щи хлебаем.

---

¹⁶ Лепидоптеролог – ученый, изучающий жизнь и строение бабочек.

– И что, есть уже информация?

– Конечно, есть. Нужный нам человек – советский генерал-майор Евдокимов. В настоящее время он проходит службу в Московском военном округе в должности заместителя начальника тылового обеспечения...

ЗАПИСКА ПО ВЧ

По информации нашего зафронтового агента «Хлоя», в августе 1944 г. в Латвии сотрудниками «Ваффен СС Ягдфербанд» создана диверсионно-террористическая организация «Межа Кати» («Дикая кошка»), которая в марте 1945 года вошла в состав Балтийской группы немецких войск.

В настоящее время абверкоманда-212 оказывает активное содействие организации «Межа Кати», созданной органом «Ваффен СС Ягдфербанд» для борьбы с частями Красной армии, готовит агентурные кадры для этой организации, снабжает ее фиктивными документами военнослужащих Красной армии и гражданских лиц, а также вооружением и экипировкой.

«Межа Кати» состоит из отдельных диверсионно-террористических отрядов, созданных по принципу землячества, из добровольцев латвийских дивизий СС, полицейских и нацистских пособников – членов латвийской националистической организации «Айзсарги». Отряды «Межа Кати» активно создают в лесах тайные базы с продовольствием, оружием, боеприпасами, готовясь перейти на нелегальное положение.

Кроме «Межа Кати» в распоряжении Балтийской группы находятся: подразделение диверсантов-латышей под командованием ротенфюрера СС Ионеса Рудынскиса и «эстонская рота СС» во главе с унтерштурмфюрером СС Густавом Алупкре (он же Алуперс). Обе группы подготовлены для переброски в тыл Красной армии. Общерусская группа «Ягдфербанд Ост» имеет в своем составе южнорусскую подгруппу, подгруппу Решетникова при штабе, подгруппу Сухачева из подготовленной агентуры и украинскую подгруппу во главе с украинским националистом Бровцом, кличка Тарас Бульба. Штаб «Ягдфербанд Ост» и часть его подразделений до января 1945 г. дислоцировалась в городе Иновроцлаве. В январе 1945 г. основное ядро «Ягдфербанд Ост» было уничтожено и значительная часть его руководящего состава ликвидирована или взята в плен. Однако из остатков «Ягдфербанд Ост» весной 1945 г. на территории Чехословакии немцами созданы еще две группы, которые в данное время также ведут подготовку к переходу спецоргана на нелегальное положение. Вероятно, именно подразделение под командованием ротенфюрера СС Ионеса Рудынскиса и «эстонская рота СС» во главе с унтерштурмфюрером СС Густавом Алупкре будут задействованы немцами для подрыва портов Либавы и Виндавы. Также нельзя исключить участие в акции националистических групп Решетникова, Сухачева и Бровца.

Новиков».

Ленинградский фронт, апрель 1945 года

– Подвинулся, разлегся тут, как косатка на пляже, – рядом с Барабохой на песок упал Вишня. Подошел он, как всегда, неслышно, и от его внезапного появления у лейтенанта екнуло сердце.

– Могли бы и предупредить, что идете, – недовольно заметил Барабоха.

– Ага, сейчас, держи карман шире. А кто тебя, салагу, учить будет? Лежишь тут, развалился на песочке и ворочаешься точно слон в посудной лавке. Странно еще, что все диверсанты не разбежались кто куда.

– Ну зачем вы так, – обиженно засопел лейтенант, – я, между прочим, все делал, как вы учили, – неожиданно громко сказал он и тут же прикусил язык.

– Во-первых, не ори, соблюдай маскировку, а во-вторых, не кипятись. Расслабься, подыши глубоко, как я тебе говорил. Подышал? Успокоился? Теперь давай, докладывай. Только коротко и по существу, – хлопнул лейтенанта по плечу Вишня.

– Вот все перемещения объекта с указанием точного времени, – протянул он старшему лейтенанту блокнот.

Вишня быстро пролистал страницы.

– А это кто к нему пожаловал? На ночь-то глядя?

– В двадцать один тридцать семь в дом зашла врачиха из дезпункта¹⁷, если я не ошибаюсь, зовут ее Ирма, – доложил Барабоха, отчаянно покраснев.

– Это которая такая вся из себя? – причмокнул губами Вишня, сделав округлое движение руками на уровне груди. – Не женщина, а мечта. Не выходила пока?

– Нет. Я бы записал. Постучалась в дверь условным стуком. Два коротких и через паузу один и потом снова два коротких стука.

– Молоток, Барабоха. Если и дальше так пойдет, глядишь, и из тебя толк выйдет. Слушай, а вот интересно, что между ними может быть общего? – задумчиво пробормотал Вишня. – Такая гарна дивчина и этот сморчок? Ага, выходит, кажется, – приподнялся на одном локте старший лейтенант. – Значится, так, сейчас пойдешь за ней, проводишь, так сказать, до дома, до хаты и сразу обратно. А я покуда тут осмотрюсь. Чует мое сердце, сегодня они придут. Сегодня...

Едва лейтенант скрылся в темноте, Вишня быстро преодолел расстояние до дома и, прижимаясь к холодной кирпичной стене дома, заглянул в окно. Обходчик сидел за столом в небольшой, скупно освещенной комнате и что-то быстро писал. Обследовав дом по периметру и прикинув, с какой стороны скорее всего появятся диверсанты, старший лейтенант вернулся на исходную позицию.

---

¹⁷ Дезпункт – дезинфекционный пункт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.